

ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ГДЕ КОНЦЕНТРИРУЮТСЯ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ?¹

А. М. Сергиенко

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
(Новосибирск, Россия)

В статье представлены результаты анализа вызовов и угроз в сфере доходов населения на примере Алтайского края. Рассмотрены теоретические и методические основы оценки угроз в сфере доходов населения, особый акцент сделан на анализе теоретических вопросов социальной и национальной безопасности. Дано авторское представление об индикаторах и критериях выявления вызовов и угроз в сфере доходов населения, выделены проблемы их измерения. На основе статистического анализа выявлены особенности динамики среднедушевых денежных и реальных доходов населения, среднемесячной номинальной и реальной заработной платы работников организаций, показателей неравенства по доходам и бедности в крае на фоне России и регионов Сибирского федерального округа за период с начала 2010-х гг. Наряду с позитивными трендами в сфере доходов населения выявлены ключевые вызовы и угрозы. К таким вызовам и угрозам, ведущим к негативным последствиям для развития региона, относятся прежде всего низкая заработная плата, масштабная бедность и растущие неравенства. Показаны пути преодоления данных вызовов и угроз.

Ключевые слова: доходы населения, неравенство, бедность, вызовы, угрозы, агропромышленный регион.

INCOMES OF ALTAI TERRITORY POPULATION: WHERE DO CHALLENGES AND THREATS FOCUS?

A. M. Sergienko

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian branch of the Russian Academy
of Sciences (Novosibirsk, Russia)

The article presents the results of the analysis of challenges and threats in the population income sphere on the example of the Altai territory. The theoretical and methodical basis for the assessment of threats in the income sphere are considered. Special emphasis is made on the analysis of theoretical issues of social and national security. The author gives your own vision of the indicators and criteria for identifying the challenges and threats in the population income sphere, of the problems of their measurement. On the basis of statistical analysis, the features of the dynamics of per capita money and real incomes of the population, the average monthly nominal and real wages of employees, indicators of inequality in the population income and poverty in the Altai territory are revealed against the background of Russia and the regions of the Siberian Federal district for the period from the beginning of 2010. Along with the positive trends in the population income, the key challenges and threats are identified. Such challenges and threats, leading to negative consequences for the region development, include, first of all, low wages, large-scale poverty and growing inequalities. The ways of overcoming these challenges and threats are shown.

Keywords: population incomes, inequality, poverty, challenges, and threats, agro-industrial region.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России по проекту XI.174.1.1 (0325–2016–0008) «Экономика Сибири и ее регионов в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз: методология, тенденции, прогнозы» № АААА-А17–117022250133–9.

Современный период в развитии экономики и социальной сферы России, а также ее регионов характеризуется, как известно, множественными внешними и внутренними вызовами и угрозами, часть которых концентрируется в сфере доходов населения. Масштабность и конфигурация вызовов и угроз в сфере доходов жителей регионов связана с геополитическими и социально-экономическими особенностями их развития [1–8], обусловленными в значительной мере таким драйвером, как человеческий потенциал региона [9–10], который, в свою очередь, зависит от уровня и качества жизни населения, определяемых во многом ситуацией в сфере доходов населения, их динамикой и характером распределения.

В данной статье на примере Алтайского края рассмотрим современное состояние характеристик сферы доходов населения как важнейшей составляющей уровня и качества жизни и на их основе выделим вызовы и угрозы безопасности социально-экономического развития региона в данной сфере.

Теоретические и методические основы выявления угроз в сфере доходов населения. Не претендуя на полноту освещения в данной статье теоретических основ оценки угроз безопасности устойчивому, сбалансированному развитию региона, представим здесь лишь отдельные аспекты, связанные со сферой доходов населения. В научной литературе можно встретить труды в области теории и эмпирического измерения такого рода угроз различной природы. Так, в работах С. В. Казанцева среди угроз безопасности экономического развития региона, наряду с демографическими угрозами (обезлюдения региона и присутствия иностранных мигрантов на рынке труда), угрозами экономического отставания от развитых стран и превращения регионов в сырьевой придаток мировой экономики, опасностями неравенства экономического развития субъектов РФ и влияния экономического спада и антироссийских санкций на их экономическое положение, различий в транспортной обустроенности территорий и рядом других внутренних и внешних угроз, автором выделяются также опасности разрыва в доходах населения [5, 11].

Безопасность в научной литературе обычно понимается как отсутствие угрозы и риска ее возникновения, как состояние защищенности объекта. Выделяются различные классификации видов безопасности, в том числе по сферам проявления (социальная, экономическая, политическая, техническая и проч.), по территории (международная, национальная, региональная и др.), по уровню реализации (личная, групповая, общественная). В частности, под социальной безопасностью одним из ведущих ученых в данной

области исследований У. Беком понимается «защищенность социальных субъектов от угроз, разрушающих их жизненно важные интересы, права и свободы, призванная поддерживать постоянное воспроизводство их жизнедеятельности и развития в рамках целостного сообщества» [12, с. 130]. Исследователи связывают проблемы обеспечения социальной стабильности с соблюдением и защитой социальных прав и свобод личности. Так, Г. Силласте рассматривает угрозы социальной безопасности как явления и процессы, вследствие возникновения и развития которых происходят резкие, возможно даже качественные негативные изменения в образе жизни, ущемляются жизненно важные социальные права личности (на жизнь, труд, профессию и гарантированную заработную плату, бесплатное здравоохранение, образование, доступный отдых) [13, с. 14].

Опираясь на теорию трансформационного пространства Т. Заславской [9], мы предлагаем понимать под социальной безопасностью совокупность условий жизнедеятельности населения при отсутствии социальных угроз, т. е. условий, определяющих его социальное положение в соответствии с нормами социального благополучия и способствующих развитию социальной структуры общества, ее социальных институтов и человеческого потенциала. В таком случае доходы населения и их распределение являются факторами формирования социальной безопасности, как, впрочем, и других составляющих безопасности (экономической, политической).

Одним из ключевых политических документов по угрозам безопасности страны является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» [22]. В данной Стратегии под угрозами безопасности понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам; причем под последними понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. К национальным интересам на долгосрочную перспективу, стратегическим национальным приоритетам отнесено, в частности, повышение качества жизни российских граждан, а стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни являются, согласно Стратегии, развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства, прежде всего, за счет роста доходов населения.

Среди угроз качеству жизни выделено, в частности, усиление дифференциации населения

по уровню доходов, а децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения и 10% наименее обеспеченного населения) отнесен к группе основных показателей оценки состояния национальной безопасности. Среди направлений, гарантирующих повышение качества жизни граждан, выделено, в частности, достойная оплата труда и достойное пенсионное обеспечение.

Опираясь на фундаментальные выводы по диагностике и оценке угроз развития региона, сконцентрированных в сфере доходов населения [1–9, 11, 14–15], и исходя из теории национальной безопасности и политических основ обеспечения национальной безопасности в России, в качестве основных индикаторов выявления угроз в сфере доходов населения региона выделим динамику и структуру его доходов, бедность и неравенство по доходам. Критериями выявления угроз в данном случае для региона могут стать, например, следующие характеристики явлений и процессов в данной сфере: снижение реальных доходов жителей региона, существенное отставание по среднедушевым доходам населения и их соотношению с прожиточным минимумом от аналогичных показателей по стране, регионам федерального округа; значительные территориальные различия по доходам в регионе, приводящие к угрозам масштабной миграции и демографического воспроизводства (между городом и селом, между сельскими районами); рост и масштабы различий между крайними децильными группами, превышение их нормативного уровня; рост бедности, превышение ее нормативного уровня, наличие голодающих; низкая доля и сокращение среднего класса; низкий (с позиции соотношения затрат и результатов) уровень заработной платы, масштабные задержки по выплате.

Как измерять индикаторы угроз по данным критериям? Как известно, качество измерения — одна из методологических проблем общественных наук. Для нас главным источником и методическим ориентиром для сравнительных исследований доходов населения в регионах страны является, прежде всего, государственная статистика, несмотря на все имеющиеся при этом погрешности и ограничения (отсутствие или слабый учет теневых доходов, часто небольшие объемы выборки, например, для бюджетных обследований домохозяйств и проч.).

Поскольку для оценки угроз особое значение имеет субъективная оценка их восприятия людьми (с учетом объективных условий), результаты социологических исследований используются как дополнительный альтернативный источник, поскольку они, во-первых, выборочны (не охва-

тывают все территории), не всегда репрезентативны для оценки ситуации на отдельных территориях и редко представляют собой ежегодный мониторинг.

В данной статье для оценки угроз в сфере доходов населения представим результаты анализа динамики среднедушевых и реальных денежных доходов населения. Поскольку именно заработная плата как основной источник доходов населения включена в оценку угроз национальной безопасности, проведем также анализ динамики среднемесячной номинальной и реальной заработной платы работников организаций региона. Для оценки неравенства по доходам воспользуемся децильным коэффициентом (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) и коэффициентом Джини (индекс концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным группам населения). Оценка бедности будет проведена на основе показателя доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения.

Результаты исследования основаны на данных государственной статистики в 2010–2017 гг., в отдельных случаях мы обращаемся к анализу более ранних периодов для объяснения происходящих процессов и выявления более длинных трендов.

Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная номинальная заработная плата. Начиная с 2011 г. Алтайский край компенсировал падение уровня среднедушевых доходов населения, вызванное глобальным экономическим кризисом (на 8,7–8,9 п. п. с 2008 г. до 2009–2010 гг.), более интенсивным восстановительным ростом доходов населения в сравнении с Россией и в еще большей степени — с регионами СФО, что отразилось на сокращении отставания от среднего по России и по СФО (табл.). За 2011–2017 гг. доходы в крае выросли в 2 раза по сравнению с 1,7 раза в РФ. В целом, несмотря на заметное сокращение с начала 2000-х гг. почти двукратной разницы с Россией и еще более сильное — в сравнении с регионами СФО, масштабы отставания края от России по доходам населения остались значительными (подробнее см.: [7, с. 230–235]). За 2011–2017 гг. данное отставание от среднего по России сократилось более чем на 12% (с 41,8% до 29,7%). В 2016 г. доходы в крае составляли уже 90,6% от уровня СФО против 73,5% в 2010 г. Позиции края по доходам населения в 2016 г. стали более сильными, чем у четырех регионов СФО (рис. 1), тогда как в 2010 г. край опережал по этому показателю только Республику Тыва.

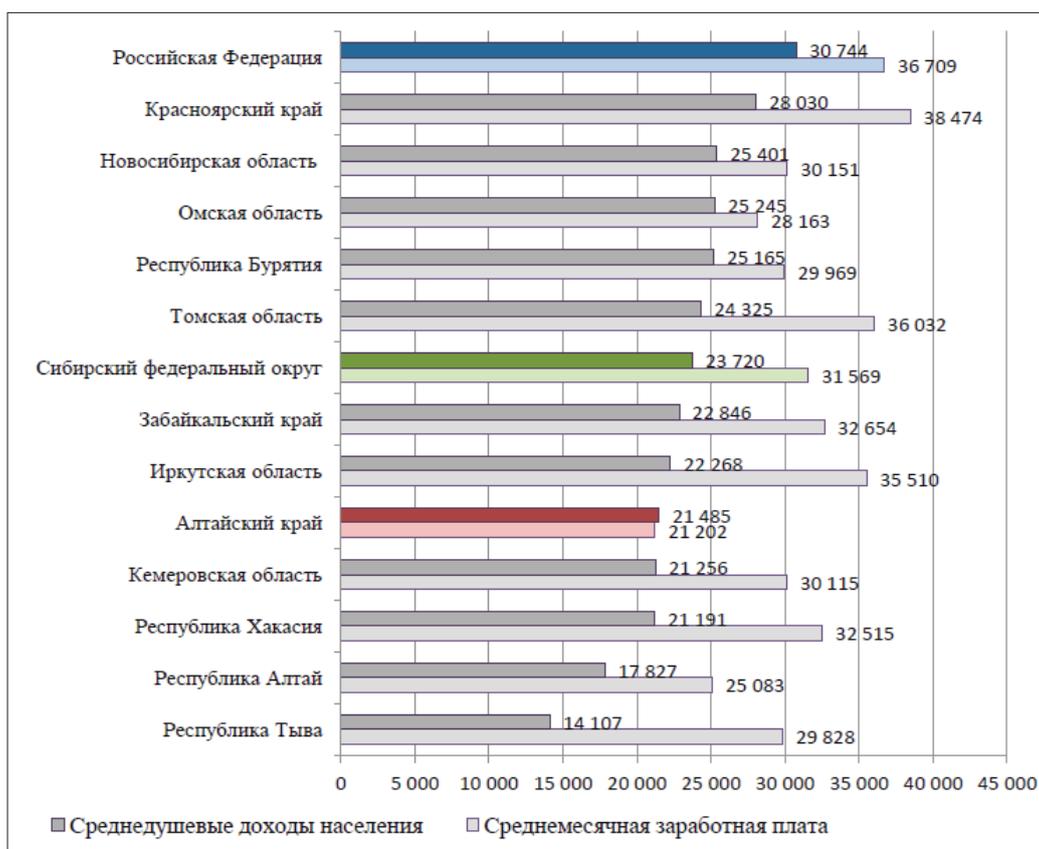

Рис. 1. Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная начисленная зарплата работников организаций России, Сибирского федерального округа и его регионов в 2016 г., рублей

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 242–245.

Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная начисленная зарплата работников организаций в 2010–2017 гг., руб. в месяц

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Доходы населения:</i>								
Российская Федерация	18958	20780	23221	25928	27766	30467	30744	31477
Сибирский федеральный округ	15007	16568	18474	20454	21490	23569	23720	...
Алтайский край	11029	12500	13617	15979	18434	20985	21485	22130
<i>Зарботная плата:</i>								
Российская Федерация	20952	23369	26629	29792	32495	34030	36709	39144
Сибирский федеральный округ	18658	20890	23789	26398	28347	29616	31569	...
Алтайский край	12051	13823	16010	18011	19456	20090	21202	22732

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 242–245; Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 115; Социально-экономическое положение Алтайского края. 2017. Стат. докл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2018. С. 108–110.

За 2011–2017 гг. среднемесячная начисленная зарплата работников организаций Алтайского края выросла в 1,9 раза, почти такой же рост данного показателя наблюдался в стране

(табл.). Отставание по зарплате от страны сохраняется более весомым, чем по доходам, причем с начала 2010-х гг. его размеры почти не изменились. В 2017 г. среднемесячная начисленная за-

работная плата работников организаций края составляла 58,1% от средних значений по России (57,5% в 2010 г.). Наблюдалось некоторое сокращение отставания по данному показателю края от СФО (67,2% от уровня СФО в 2016 г. против 64,6% в 2010 г.). С начала «нулевых» Алтайский край занимает почти стабильно последнюю позицию в СФО с растущим отставанием по данному показателю от ближайшего соседа республики Алтай, одно из последних в стране [7, с. 230–235].

Реальные денежные доходы населения и реальная заработная плата. После значительного падения реальных доходов в кризисном 2009 г. (на 15,1%) все последующие годы до 2014 г. включительно в крае наблюдался прирост. В 2015–2017 гг. реальные доходы населения в крае «потеряли» от уровня предыдущего года 1,1; 4,8 и 1,5% соответственно, тогда как в России сокращение реальных доходов наблюдалось уже с 2014 г. и его масштабы были в среднем более значительными, отражая последние кризисные явления в экономике. В итоге рост реальных доходов жителей Алтайского края за рассматриваемые 2011–2017 гг. составил 116,4% в сравнении с 2010 г., тогда как в России они даже немного снизились (99,1%). Жители СФО также в среднем потеряли в доходах (99,4% в 2016 г. от уровня 2010 г.).

Реальная начисленная заработная плата работающих в экономике в Алтайском крае практически повторяет в своей динамике тренд реальных доходов [7, с. 235–239]. В 2011–2013 гг. реальная зарплата в крае ежегодно прирастала темпами выше среднего по стране и регионам СФО, но кризисные явления в экономике последних лет проявились в Алтайском крае более существенно. В 2014–2016 гг. годовая реальная зарплата в крае сокращалась, особенно значительно в 2015 г. (на 10%), и лишь в 2017 г. вновь наблюдался ее рост (103,5%), тогда как в России только в 2015 г. зафиксировано ее падение. Но в целом с начала 2010-х гг. реальная зарплата в Алтайском крае выросла чуть более значительно, чем в стране: на 12,8% против 11,2%.

Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума. Динамика соотношения среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума (ПРМ) соответствующих социально-демографических групп более чувствительно отражает изменения уровня жизни, покупательной способности населения в сравнении с трендами реальных доходов и заработной платы.

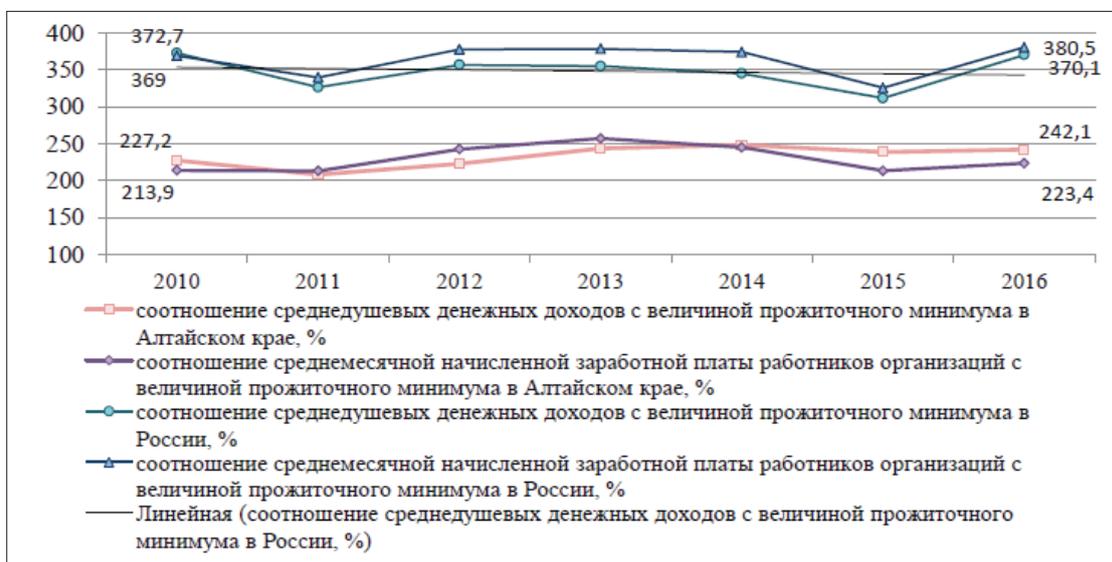

Рис. 2. Соотношение доходов населения и заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 2010–2016 гг.*

Источник: Данные Росстат: стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2011–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

* С 2013 г. изменен порядок расчета величины прожиточного минимума Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Соотношение заработной платы с величиной прожиточного минимума рассчитано для населения трудоспособного возраста.

Покупательная способность доходов и заработной платы жителей края в 2010-х гг. «ведет себя» неустойчиво (рис. 2). В этот период сокращение доходов и заработной платы по отношению к ПРМ происходило дважды, причем в отличие от доходов, которые падали в 2011 г. (как отголосок глобального экономического кризиса 2008–2009 гг.) и в 2015 г., падение заработной платы происходило еще в 2014 г. Вместе с тем в те годы снижение покупательной способности доходов и заработной платы в крае было менее глубоким, чем в стране. В целом же за 2011–2016 гг. показатели покупательной способности доходов жителей края выросли на 14,9 п. п. (достигнув 2,42 бюджета ПРМ), заработной платы — на 9,5 п. п. от своей величины (до 2,23 бюджета ПРМ). В итоге отставание по этим показателям (особенно по доходам) от России в целом сократилось: в 2016 г. покупательная способность доходов жителей края составляла 65,4% от аналогичного показателя по стране (против 61% в 2010 г.), а заработной платы — 58,7% (58% в 2010 г.).

Дифференциация населения по доходам и динамика бедности.

Сдвиги в неравенстве по доходам. Период 2011–2014 гг. характеризовался продолжением восстановления прежних максимальных масштабов дифференциации, измеряемой по децильному коэффициенту, которые были достигнуты накануне

не глобального кризиса: 12,3 раза в 2008 и 2014 гг. (рис. 3)¹. В 2015 г. этот показатель в регионе, как и в стране, отразил процессы небольшого сокращения неравенства вследствие кризисных явлений в экономике, и в целом за 2016–2017 гг. эти значения не изменились (12 раз). Дифференциация доходов населения по данному показателю в Алтайском крае заметно меньше аналогичной в стране, но за 2011–2017 гг. разница в дифференциации между Россией и Алтайским краем сократилась до минимальных размеров за последние более чем десять лет — менее чем 1,3 раза.

Динамика коэффициента Джини (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) соответствует обозначенным выше тенденциям децильного коэффициента (рис. 4). Результатом восстановленной (после глобального кризиса) тенденции данного коэффициента в 2010–2014 гг. стала вновь максимальная величина неравенства по доходам населения за последние почти 20 лет (38% в 2014 г.). Экономический кризис в 2015 г. слегка «пошатнул» растущий тренд социального расслоения (37,5). В 2016–2017 гг. наблюдались лишь незначительные колебания. В целом же за 2011–2017 гг. данный показатель вырос на 1,4 п. п. (на 3,9%, тогда как в стране сократился на 2,6%) и достиг уровня лишь на 3,4 п. п. ниже российского уровня.

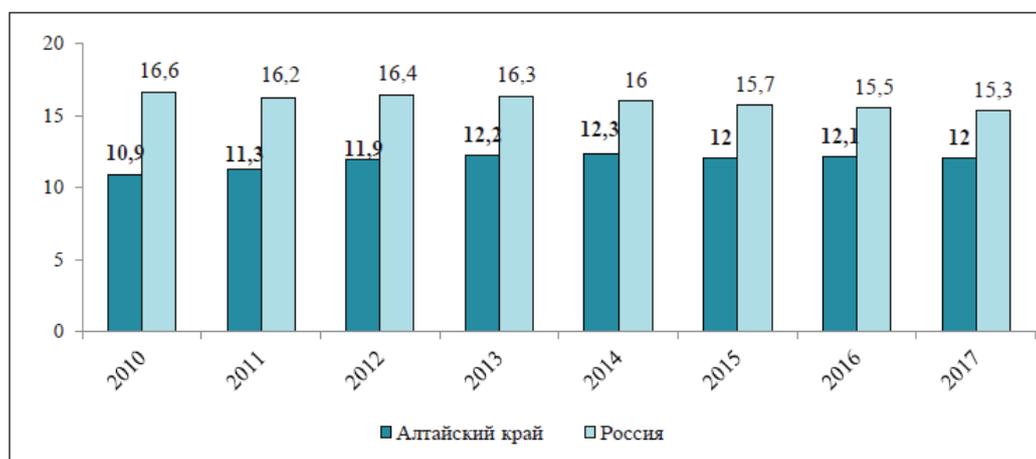

Рис. 3. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (децильный коэффициент) в России и Алтайском крае в 2010–2017 гг., в размах

Источник: Данные Росстат: стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2011–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 118; Алтайский край в цифрах. 2013–2017: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2018. С. 41.

¹ Подробнее о бедности и неравенстве в Алтайском крае в сравнении с Россией с начала 1990-х гг. см.: [8, с. 239–255; 16, с. 200–204].

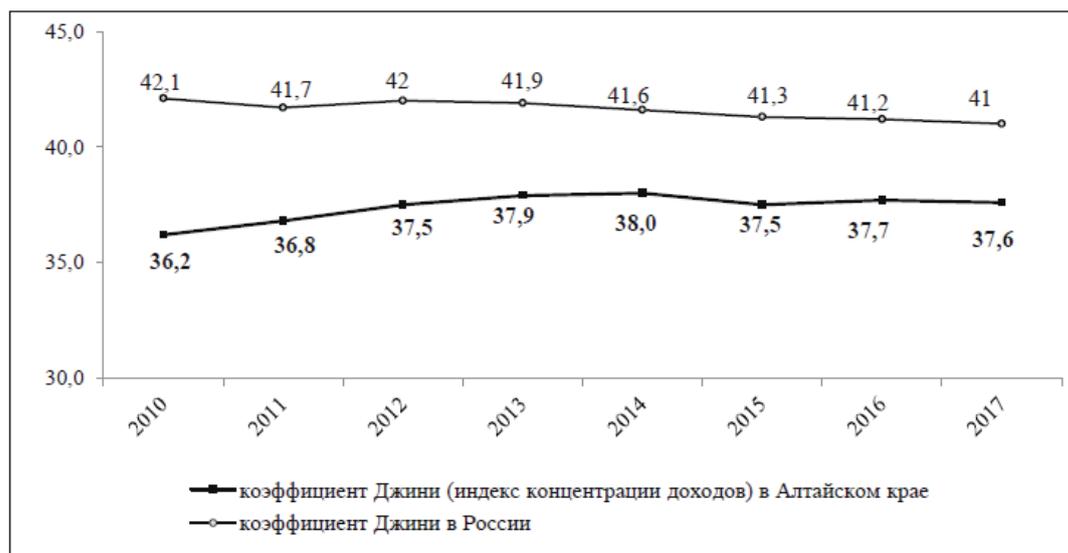

Рис. 4. Динамика концентрации доходов населения (коэффициент Джини) в России и Алтайском крае в 2010–2017 гг., %

Источник: Данные Росстат: стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2011–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 126; Алтайский край в цифрах. 2013–2017: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2018. С. 41.

Динамика бедности. За первые шесть лет в 2010-х гг. бедность в крае сократилась на 26,4% (с 23,9% в 2010 г. до 17,6% в 2016 г.), тогда как в России в целом, напротив, выросла на 5,6% (рис. 5). Причем сокращение бедности в крае происходило на протяжении всего рассматриваемого периода,

да, за исключением 2015 г. В тот кризисный год бедность в регионе выросла на 5% (до 17,9%), тогда как в стране почти на 19% (до 13,3%). В целом за 2011–2016 гг. бедность сократилась на 36%, тогда как в стране — на 6%.

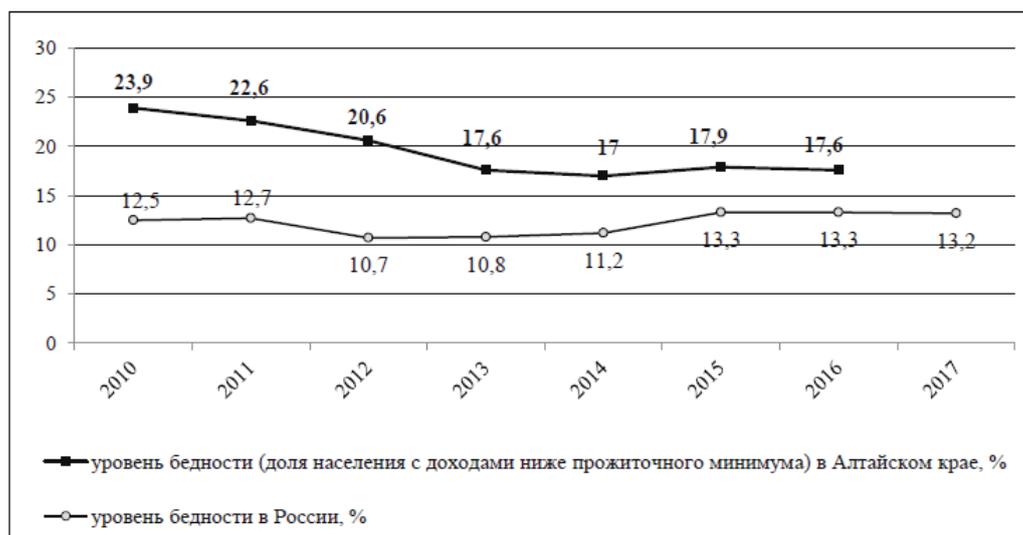

Рис. 5. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 2010–2017 гг., %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 280, 283.

В 2016 г. масштабы бедности в регионе уже только в 1,3 раза превышали российские в сравнении с почти двукратной разницей в 2010 г.

На фоне регионов СФО Алтайский край вместе с республикой Хакасия занимали в 2016 г. пятую и шестую позиции от наименьшего уровня бедности (в сравнении с предпоследней двенадцатой пози-

цией края в 2010 г.); соответственно население шести сибирских регионов живет беднее жителей края (рис. 6). В сравнении с 2015 г., когда население всех 12 регионов Сибирского федерального округа стало беднее, в 2016 г. продолжали беднеть жители только семи регионов, в остальных пяти, наряду с Алтайским краем, — бедность сократилась.

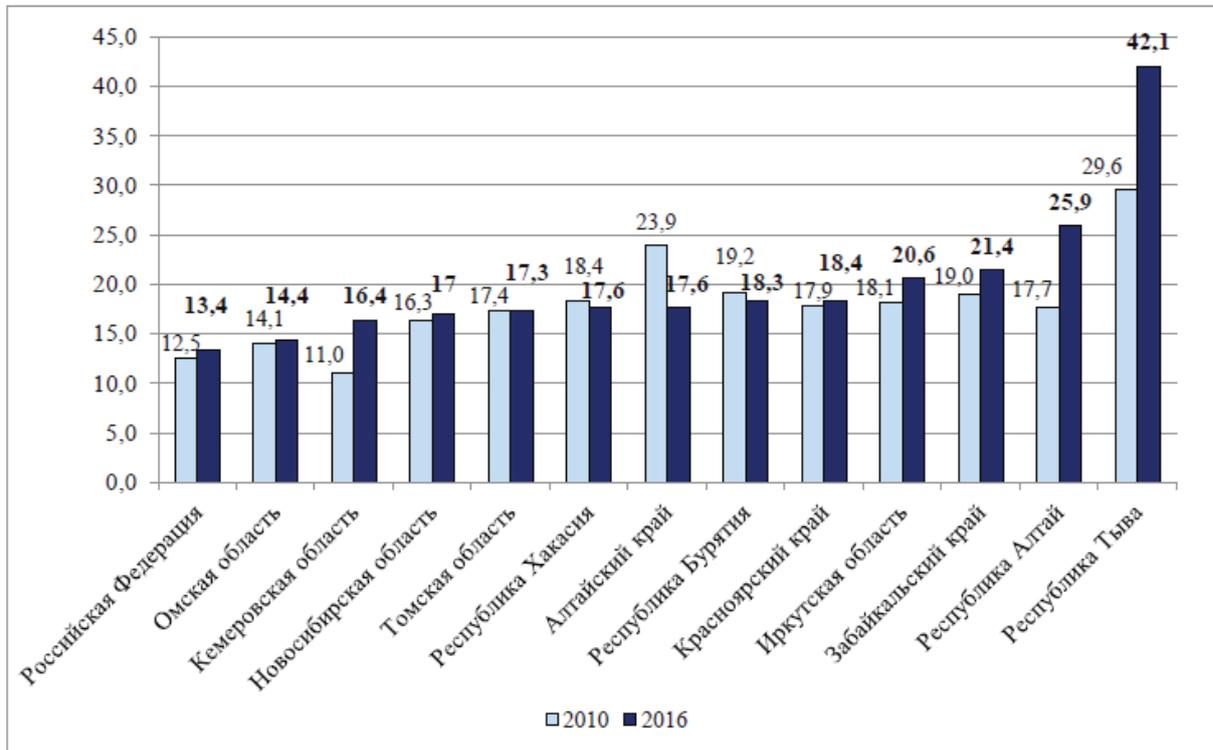

Рис. 6. Доля населения регионов Сибирского федерального округа и России с доходами ниже прожиточного минимума в 2010 и 2016 гг., %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 280, 283.

Заключение. О вызовах и угрозах в сфере доходов населения и государственной политике. Итак, анализ динамики и дифференциации доходов населения в Алтайском крае на фоне России и регионов Сибирского федерального округа за период с начала 2010-х гг. позволил выявить ряд позитивных трендов, среди них:

- более интенсивный, чем в стране в целом, рост среднедушевых доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций края, что привело к сокращению отставания от среднероссийского уровня и усилению позиций в СФО по данным показателям;
- увеличение реальных доходов, тогда как в России в целом они даже сократились, и более значительный рост реальной заработной платы в сравнении со страной;

- чуть более существенное (чем в стране) увеличение соотношений среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума и, как следствие, небольшое сокращение отставания по данным показателям от России;
- сохранение более низких показателей неравенств по доходам в сравнении со страной, значительное сокращение (почти на треть) масштабов бедности при незначительном уменьшении ее размеров в стране, существенное улучшение позиций по данному показателю на фоне регионов СФО.

Вместе с тем вызовами для края остаются значительные масштабы отставания от России по доходам (более чем на четверть в 2017 г.) и по ее соотношению с прожиточным минимумом. Особенно

угрожающими являются отставание от страны в целом по заработной плате (более чем на 40%), ее негативная динамика в соотношении с прожиточным минимумом с начала 2010-х гг., стабильно последняя позиция по зарплате в СФО и предпоследняя в стране. Обращают на себя особое внимание также продолжающиеся в текущем десятилетии процессы роста неравенств по доходам в крае (по децильному коэффициенту и коэффициенту Джини), что «идет в разрез» российским трендам на их сокращение. Результатом этого является значительное сокращение отставания по неравенствам от России, выход на близкие масштабы дифференциации по доходам. Кроме того, в крае остается еще высоким уровень бедности (17,6%), почти на треть выше среднероссийского показателя. В условиях роста социально-экономической мобильности населения все это приводит к росту миграционного оттока экономически активной части жителей края, особенно молодежи [7, с. 216–228; 17].

Все эти вызовы и угрозы устойчивому социально-экономическому развитию региона, сконцентрированные в сфере доходов его жителей, должны стать объектами особого внимания для органов государственного управления. При этом следует учитывать ограниченные возможности государственной статистики в измерении доходов населения, процессов бедности и неравенств по доходам. И, кроме того, необходимо принимать во внимание значительные территориальные неравенства по доходам населения, в том числе почти полуторакратное отставание российских сельских домохозяйств от городских [7, с. 247–255, 315–331; 18, с. 80–125].

Перспективные возможности роста реальных доходов, сокращения масштабов бедности и социально-экономических неравенств зависят от использования системных механизмов повышения уровня и качества жизни, стимулирования экономической активности, предпринимательства и формирования других социальных лифтов преодоления бедности, активной борьбе с социаль-

но-экономической поляризацией. Огромную роль в преодолении вызовов и угроз, укоренившихся в сфере доходов населения региона, играет государственная социальная политика, происходящие перераспределительные процессы в социально-экономической сфере в пользу низкодоходных слоев населения [7, с. 230–239; 16, с. 199–200]. В частности, одним из реализуемых в настоящее время государственных мер роста реальных доходов и сокращения бедности, которые должны отразиться в первую очередь на регионах с самыми низкими доходами населения, является повышение минимального размера заработной платы до уровня прожиточного минимума в регионе. Значительный эффект в таких регионах может быть получен и от сокращения теневой составляющей эффективной борьбы с коррупцией.

Преодоление вызовов и угроз, связанных с бедностью и неравенствами в регионах с высокой долей сельского населения, таких как Алтайский край, осложняется тем, что в условиях восходящей социальной мобильности, улучшения положения сельчан часто те, кто получает помощь, «поднимается из бедности», при удобном случае уезжает из села [17–21]. Российский опыт социально-экономической поддержки села показывает, что только материальной поддержки сельских жителей недостаточно, даже если она будет сравнительно значимой (как, например, это было сделано в программах привлечения молодых врачей и учителей в села, стимулирования начинающих фермеров). Помимо известных эффективных механизмов сокращения бедности и чрезмерных неравенств, которые можно применить ко всему российскому обществу (к примеру, постепенного введения прогрессивной шкалы налогообложения), политика на селе должна быть сфокусирована на стимулировании занятости и экономической активности, развитии социальной инфраструктуры и социальной поддержки силами государства с учетом интересов и развивающихся практик самого сельского сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиев У. Т. Экономический рост, уровень жизни и неравенство в нефтедобывающих странах постсоветского пространства // Уровень жизни населения регионов России. 2014. №2 (192). С. 97–108.
2. Бобков В. Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // Экономист. 2012. №12. С. 46–58.
3. Глазырина И. П., Клевакина Е. А. Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // ЭКО. 2013. №11. С. 113–128.
4. Зубаревич Н., Хасанова Р. Регионы России: социальное развитие и демографические тенденции (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2017. №7. С. 64–74.
5. Казанцев С. В. Защищенность экономики регионов России. Новосибирск, 2014. 180 с.

6. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой ; под ред. В. Автономова. М., 2015. 384 с.
7. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае : колл. монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. Новосибирск, 2017. 423 с.
8. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты : коллективная монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. Барнаул, 2013. 330 с.
9. Заславская Т. И. Избранные произведения : в 3 т. М., 2007. Т. 2. Трансформационный процесс в России. В поисках новой методологии. 591 с.
10. Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск, 2014. 269 с.
11. Казанцев С. В. Опасность социально-экономического неравенства. Новосибирск, 2016. 70 с.
12. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
13. Силласте Г. Социальная безопасность личности, общества и государства // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 7–31.
14. Гонтмахер Е. Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 68–81.
15. Казанцев С. В. Количественная оценка неравенства доходов в Российской Федерации. Новосибирск, 2017. 96 с.
16. Сергиенко А. М. Динамика и дифференциация доходов населения Алтайского края с начала рыночных реформ // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1. С. 194–205.
17. Сергиенко А. М., Иванова О. А. Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и регуляторы // Регион: экономика и социология. 2018. № 1. С. 116–141.
18. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления : коллективная монография / под общ ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2014. 330 с.
19. Davies A. Declining Youth In-migration in Rural Western Australia: the Role of Perceptions of Rural Employment and Lifestyle Opportunities // Geographical Research. 2008. № 46. P. 162–171.
20. Min-Harris C. Youth Migration and Poverty in Sub-Saharan Africa: Empowering the Rural Youth // Topical Review Digest: Human Rights in Sub-Saharan Africa 2000. P. 159–186.
21. Shucksmith M. Exclusive countryside? Social inclusion and regeneration in rural areas. York, 2000. 63 p.
22. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>.

REFERENCES

1. Aliyev, U. T. (2014) Economic growth, living standards and inequality in the oil-producing countries of the post-Soviet space. *The standard of living of the population of the regions of Russia*, 2 (192), 97–108 (in Russian).
2. Bobkov, V. (2012) Interregional inequality of living standards: state and vector of development. *Economist*, 12, 46–58 (in Russian).
3. Glazyrina, I. P. & Klevakina, E. A. (2013) Economic growth and income inequality in the regions of Russia. *EKO*, 11, 113–128 (in Russian).
4. Zubarevich, N. & Khasanova, R. (2017) Regions of Russia: social development and demographic trends (according to the results of regular monitoring of INSAP RANEPА). *Economic Development of Russia*, 7, 64–74 (in Russian).
5. Kazantsev, S. V. (2014) The security of the economy of the regions of Russia. Novosibirsk, 180 (in Russian).
6. Rainer, E. S. (2015) How rich countries have become rich, and why poor countries remain poor. Moscow, 384 (in Russian).
7. Transformational processes and the formation of competitive advantages in the Altai Territory: collective monograph (2017). Ed. A. Ya. Trotskovsky. Novosibirsk, 423 (in Russian).
8. Sustainable development of rural areas of the Altai Territory: socio-economic and spatial aspects: collective monograph (2013). Ed. A. Ya. Trotskovsky. Barnaul, 330 (in Russian).
9. Zaslavskaya, T. I. (2007) Selected Works: In 3 vols. Vol. 2. The transformation process in Russia. In search of a new methodology. Moscow, 591 (in Russian).
10. Prospects and risks of human development in Siberia (2014). Ed. V. V. Kuleshov. Novosibirsk, 269 (in Russian).
11. Kazantsev, S. V. (2016) The danger of socio-economic inequality. Novosibirsk, 70 (in Russian).

12. Bek, U. (2000) Risk Society. On the way to another modernity. Moscow, 384 (in Russian).
13. Sylaste, G. (2000) Social security of the individual, society and state. *Security of Eurasia*, 1, 7–31 (in Russian).
14. Gontmakher, E. Sh. (2013) Russian social inequalities as a factor of social and political stability. *Issues of Economics*, 4, 68–81 (in Russian).
15. Kazantsev, S. V. (2017) Quantitative assessment of income inequality in the Russian Federation. Novosibirsk, 96 (in Russian).
16. Sergienko, A. M. (2016) Dynamics and differentiation of incomes of the population of the Altai Territory since the beginning of market reforms. *The standard of living of the population of the regions of Russia*, 1, 194–205 (in Russian).
17. Sergienko, A. M. & Ivanova, O. A. (2018) Migration of rural youth in the agrarian region: trends and regulators. *Region: Economics and Sociology*, 1, 116–141 (in Russian).
18. Poverty of rural Russia in the context of the modernization of the economy: the processes and mechanisms of formation and overcoming: collective monograph (2014) Ed. A. M. Sergienko. Barnaul. 330 (in Russian).
19. Davies, A. (2008) Declining Youth In-migration in Rural Western Australia: the Role of Perceptions of Rural Employment and Lifestyle Opportunities. *Geographical Research*, 46, 162–171.
20. Min-Harris, C. (2000) Youth Migration and Poverty in Sub-Saharan Africa: Empowering the Rural Youth. *Topical Review Digest: Human Rights in Sub-Saharan Africa*, 159–186.
21. Shucksmith, M. (2000) Exclusive countryside? Social inclusion and regeneration in rural areas. York, 63.
22. National Security Strategy of the Russian Federation. URL: <http://www.consultant.ru/>.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2018 г.

Принята к печати: 11 октября 2018 г.